

Этой ночью Сэму снились странные сны. Он застрял по пояс в грязи, окруженный джунглями, и вокруг него шелестела листва. Вокруг него шептались бесплотные голоса, и он готов был поклясться, что видит глаза, появляющиеся из тени между деревьями

.

Он медленно начал погружаться в грязь, а голоса становились все громче и громче, и вот, когда он уже по шею погрузился в грязь, а голоса, казалось, были совсем рядом, он резко сел в постели.

Оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что снова находится в своей комнате.

“Должно быть, это был стрессовый сон.”

Он быстро принял душ и надел свою обычную одежду - черный костюм, загорелые шорты и темно-синие трусы, а свои светло-серые волосы закрепил резинкой. Сэму нравилась его прическа, она напоминала ему Какаши из манги: такие же колючие волосы, но он закрепил их черной резинкой, которая очень подчеркивала шипы сзади.

Мама посмотрела на него, когда он спустился из своей комнаты, и одобительно улыбнулась ему, что было приятно видеть. С тех пор как началась война, во всей деревне, включая маму, царил глубокая торжественность, поэтому видеть ее улыбку такой яркой было приятным изменением.

"Ну разве ты не красавчик! Надеюсь, ты так же хорошо справляешься с работой в школе, как и с дизайном одежды. Не забывай всегда слушать учителя, кланяться при встрече, делать хорошие записи, брать с собой запасную одежду..." и далее по списку.

"Я знаю! Я знаю, мама!" - Кэннин протестовал против материнской бомбардировки, но не мог устоять перед материнской любовью.

Внезапно став более серьезной, она сказала: "И всегда будь осторожен. Я знаю, что деревня сейчас - самое безопасное место, но мир опасен. Будь осторожен".

Кэннин кивнул и в последний раз обнял маму, прежде чем выйти за дверь.

-

Кэннин боялся, что в академии будет трудно, но, похоже, война и без того сильно истощила деревню. Преподаватели сменялись часто, задания были быстрыми и довольно простыми, особенно если учесть, что Кэннин помнил о своей прошлой жизни. Большую часть работы составляли базовая математика и рассуждения, в которых он преуспел. Был предмет по истории, с которым он некоторое время боролся, учитывая, что его память на мангу была не идеальной, но общие знания помогали ему.

Что действительно разочаровало Кэннина, так это то, что ему удалось поступить в академию, когда там не было никого из тех, кого он узнал. Кушина и Минато выпустились примерно за два года до этого, и, похоже, пройдет еще несколько лет, прежде чем Какаши, Шисуи и другие персонажи смогут поступить в академию.

Это также означало, что среди учеников было мало тех, кто мог бросить вызов Кэннину на интеллектуальном уровне. Через несколько недель стало очевидно, что, по крайней мере, в условиях войны, академия существовала для того, чтобы генины, поступающие в нее, обладали базовой логической грамотностью и элементарным пониманием того, как выполнять дзюцу.

Именно на это и было направлено внимание Кэннина. Он не был фанбоем Наруто, но дзюцу - это, безусловно, самая крутая часть мира (правда, он немного жалел, что не был Учихой). Он помнил формулу дзюцу Теневого Клона, но знал, что это запрещенное дзюцу, поэтому никогда не занимался им в школе. Однако дома он изо всех сил пытался его повторить.

И в конце концов у него получилось. Опасность Каге Буншина во многом объяснялась тем, насколько он был прост. Нагрузка на резервы чакры при его легкости позволяла случайно травмироваться при перенапряжении. Это стало поворотным моментом в жизни Кэннина - его первое дзюцу!

В этот момент в дверь вошла его мать и увидела двух Кэннинов, сидящих в гостиной. Бросив книги, она бросилась к нему, чтобы обнять, и тут же выбрала не того Каннина и, задыхаясь, упала на пол. Настоящий Кэннин вскоре присоединился к ней и расхохотался во весь голос.

"Ладно-ладно, ты меня поймал!" - сказала его мать, придя в себя. Затем она повернулась к нему и с более серьезным выражением лица спросила: "Это был Теневой клон? Кэннин, это же запрещенное дзюцу, как ты этому научился?"

Каннин не собирался попадаться, и начал запинаться, пытаясь придумать историю, которая не доставила бы ему неприятностей: "Ну... эм... видишь ли... я видел, как некоторые из моих учителей делали это, и... не знаю, наверное, я просто захотел попробовать сам. Мы еще даже не начали заниматься дзюцу в школе, так что я хотел посмотреть, смогу ли я." - он сделал свое лучшее надутое лицо и посмотрел на маму: "Я же не в беде?"

Его мама не смогла удержаться от щенячьих глаз и сказала: "Думаю, нет, милый. Только пообещай, что не покажешь никому из своих друзей и не будешь делать этого на улице, хорошо?" Каннин кивнул: "И вообще, почему бы нам не рассказать об этом твоему учителю, чтобы у тебя не было проблем".

У Кэннина расширились глаза, и он попытался протестовать, но материнское слово сработало.

<http://tl.rulate.ru/book/104345/3650989>